

Вектор на восток. «Круглый стол» журнала «Иркутская губерния»

23 февраля 2007 года было утверждено положение о Государственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Иркутской и Читинской областей. Это положение, оставшееся практически незамеченным широкими слоями общества, способно полностью изменить ситуацию в регионе. Эксперты «Иркутской губернии» рассмотрели возможные последствия создания «восточной» госкомиссии.

Дмитрий ТАЕВСКИЙ, ведущий «круглого стола» ИГ: Наш сегодняшний «круглый стол» посвящен Указу о создании Государственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока. Конечно, мы хотим обсудить это шире – в свете нового освоения Сибири, утверждения плана развития Южного Прибайкалья, создания иркутской агломерации.

Александр АНЧУГИН, директор департамента экономики Иркутской области: Сам факт подписания президентом положения о госкомиссии говорит о существенной корректировке федеральной политики в отношении Восточной Сибири и дальневосточных регионов. Перед указом были письма полпредов в администрацию президента, эту тему продвигал и Анатолий Квашнин, и полпред в Дальневосточном федеральном округе Камиль Исхаков. После инициативы полпредов был проведен совет безопасности в декабре 2006 года, а на основе его решений был создан указ о Госкомиссии и утвержден ее состав. От Иркутской области в нее вошел губернатор Александр Тишанин.

Принятие этого документа свидетельствует о смене вектора государственной политики в отношении Восточной Сибири и Дальнего Востока. Известно, что базовая часть бюджета до недавнего времени оседала в западной части страны. Мы видим, к чему это привело – к тому, что бюджетные деньги не доходят до пункта своего назначения.

Упоминание Иркутской области в указе – это важный фактор. Прибайкалье – крайняя точка, где закончилась индустриализация советского периода; восточнее крупных проектов машиностроительного профиля мы не встретим. Иркутская область – связующее звено между промышленно развитой частью Сибири и отсталым Дальним Востоком. Без учета развития этой системы в комплексе, без структурной увязки регионов говорить о сохранении единого транспортного, экономического пространства достаточно трудно.

Д. Т.: А как эта комиссия вписывается в структуру управления, как она соотносится с полпредствами? Кто кем руководит, упрощенно говоря?

А. А.: Думаю, с учетом проблем, которые призвана решить эта комиссия, она явно не совещательный орган. Эта структура не ущемляет прав полпредов, напротив, она позволяет выносить на высокий уровень проблемы, требующие немедленного решения.

Дмитрий ЛЮСТРИЦКИЙ, шеф-редактор «Восточно-Сибирской правды»: Какие полномочия будет иметь госкомиссия, кому будет давать поручения? Правительству? Хочу напомнить, что факт создания аналогичной межведомственной комиссии по Байкалу, правда, не имеющей статуса госкомиссии, ничего не решил. В течение года ее пытались собрать, делегировать представителей, но как орган, координирующий решение вопросов по проблемам Байкала, она своих функций не выполняла.

Сергей ШМИДТ, доцент ИГУ: Не секрет, что на протяжении двух последних президентских сроков ставка делалась на развитие корпораций, а не регионов, так как корпорации платят налоги и активно пользуются механизмами международного давления. До настоящего времени на государственном уровне не было мышления, направленного на развитие территорий, несмотря на создание Министерства регионального развития. Было ощущение, что празднование юбилеев Казани и Санкт-Петербурга – это и есть единственно возможное региональное мышление на федеральном уровне. Ставка на корпорации, а не на территории очень нехарактерна для социально-экономической истории нашего Отечества как досоветского периода, так и

советского. Поэтому появление госкомиссии, возможно, это некая смена векторов.

Михаил РОЖАНСКИЙ, директор Центра независимых социальных исследований и образования: Вся проблема – будет этот документ действенным или нет, будет он работать на регионы и на их жителей – состоит в том, какое значение вкладывают в слово «развитие» инициаторы указа. Если это освоение, что обычно понимают под развитием Сибири инициаторы проектов, значит, комиссия будет представлять собой некую переговорную площадку, на которой будет происходить согласование интересов корпораций с некими интересами регионов. На мой взгляд, данная структура вполне этому отвечает.

Другой смысл развития – это развитие как обустройство жизни, повышение качества жизни и, как следствие, повышение безопасности. Ведь миграционные проблемы напрямую связаны с качеством жизни, а не с количеством рабочих мест и размещением производств.

Радуется, что это – инициатива снизу. Что может за ней стоять? Потребность в создании площадки, которая позволяла бы более кратким путем выходить на механизм принятия решения государственной властью, влиять на эти решения.

Сергей Шмидт говорил о приоритетах корпорациям в постсоветской России. Я не соглашусь с этим. Если говорить о советском времени, то влияние ведомств (аналог нынешних корпораций) было не меньшим, чем сейчас. Это видно на примере Читинской области, Бурятии. В Иркутской области первый секретарь обкома ставился, чтобы обслуживать реализацию великих строек, от которых зависело выполнение пятилетнего плана.

Алексей КОЗЬМИН, президент Фонда регионального развития Иркутской области: Думаю, что когда в название комиссии вписывали слово «развитие», никто особо над его смыслом не задумывался. Это стандартная формулировка. Например, «стратегия социально-экономического развития Иркутской области». Эта формулировка содержит в себе ряд показателей, одни из которых должны увеличиваться, другие – уменьшаться. К примеру, зарплата растет, смертность уменьшается – это развитие.

Думаю, причина создания этой госкомиссии, как и весь процесс, идущий в отношении Сибири и Дальнего Востока, в том, что у государства появились ресурсы. Люди, занимающиеся региональной политикой, осознав, что есть ресурсы, стали что-то предлагать. Где-то попав в точку, они заинтересовали федеральный центр. Была поднята старая программа 1996 года. Решили создать комиссию.

Собственно сама комиссия представляет собой что-то вроде рабочей группы. Все, что эта комиссия наработает, будет выражено в виде бюджетных строчек, в виде целевых программ, а далее процесс пойдет стандартно – через правительство, через Совет федерации. Основной вопрос: насколько те люди, которые входят в эту комиссию, хотят заниматься Сибирью и Дальним Востоком, насколько у них хватит энергии, знания ситуации. От нас здесь тоже многое зависит.

Д. Т.: Сибирь осваивают с царских времен. Что стоит за этим новым освоением? С моей точки зрения, создание этой комиссии – это показатель некомпетентности существующей власти, которая не справляется со своими прямыми обязанностями. Есть большой шанс, что с комиссией получится так же, как с проектом «Транснефти», когда вдруг окажется, образно говоря, что тут нефти нет и нечего по трубопроводу транспортировать.

А. К.: Все равно: деньги потратят, нефтепровод построят, он останется потомкам. Думаю, комиссию создали, когда поняли, что вертикаль власти не справляется с поставленными задачами. Любопытно, что президент старается сейчас не пускать большие средства через бюджет – создаются инвестиционные фонды, госкорпорации, деньги вкладываются в ЖКХ, Банк развития РФ. Это делается для того, чтобы вывести бюджетные средства в структуры, где их использование будет необщедоступным. Всем известно, что на пути от включения строчки в бюджет до реализации проекта теряется до 40 процентов бюджетных денег.

В любом случае очевидно, что существующая бюрократия не справляется с тем объемом денег, который есть в стране. В попытках освоить эти деньги каждый придумывает проекты, некоторые проекты достаются из запасников 40-х, 50-х годов. Тот же «Южный Иркутск» придуман в 60-е годы.

Сейчас идет конкуренция за деньги инвестфонда и Банка развития. Государству нужно без эмоций определить, какие проекты реально важны для территорий, а что можно отложить на потом. В настоящее время о нормальной конкуренции проектов сложно говорить. Одна корпорация обгоняет другую, все бегут лоббировать свои интересы в федеральных органах власти. Я присутствовал на одном закрытом совещании, где ОАО «РЖД» представляло в инвестфонд проект по строительству южноазиатского кольца: тоннель на

Сахалин, потом тоннель на Японию и оттуда через паром – в Китай. А второй проект – на строительство железной дороги от Якутска до Магадана и далее тоннель под Беринговым проливом, соединяющий с Аляской. Такие проекты «заводят» людей и будоражат воображение. Понятно, что в тундре можно много денег зарыть. А вот об экономической целесообразности проектов пока никто не говорит.

Д. Л.: Мы говорим о втором освоении Сибири, но попадаем в ловушку – никто на самом деле не думает об освоении. Какую же цель преследует федеральный центр? Если мы посмотрим на послание президента и основные моменты, законодательно закрепленные и касающиеся Сибири и Дальнего Востока, то увидим, что центр беспокоится по поводу депопуляции населения. Кремль намерен перенаправить миграционные потоки. Для этого вкладываются деньги в транспортные коридоры, в автомобильные трассы, железнодорожные инновации.

А губернатор действует в жесткой кадрово-аппаратной структуре. И ему особо проявлять активность незачем. Он заинтересован в том, чтобы в регион приходили инвестиции, особенно по бюджетной схеме. Речь не конкретно о Тишанине, это схема работы всех глав регионов – губернатор заинтересован в инвестициях, но ложиться на амбразуру за них он не будет. Так что организованных структур, которые бы занимались развитием Сибири, сейчас нет.

А. А.: Действительно, вопрос депопуляции – один из основных, с точки зрения федерального центра. Промышленное освоение Сибири и Дальнего Востока все равно упрется в кадровый вопрос. Сырьевую направленность в ближайшее время сломать нереально. Крупные промышленные проекты – их основной смысл и содержание – это база для воспроизводства квалифицированной рабочей силы. Но, к большому сожалению, только масштабные проекты могут позволить себе быть обремененными социальной инфраструктурой, то есть обеспечивать на нормальном уровне здоровье своих работников, поддерживать сферу досуга. Федеральные инвестиции должны снять инфраструктурные ограничения и взять на себя те расходы, которые компании не возьмут ни при каком раскладе. В то же время возможен «заход» крупных корпораций под реализацию проектов с учетом обременения их социальной инфраструктурой. С ними можно будет говорить и об инновационной экономике, и о смене сырьевой направленности.

Немаловажен и такой момент, как межрегиональная интеграция в Сибири и на Дальнем Востоке, а также совместная работа регионов с федеральным центром. При подготовке к заседанию правительства, на котором обсуждалось социально-экономическое положение Иркутской области, наш департамент проанализировал инвестиции, которые могли бы быть реализованы на территории нашего субъекта. Подход был прагматичным. Если планируется строительство дороги, то к какому месторождению, сколько предполагается рабочих мест? В результате проекты разделились на три части. Первая – проект агломерации. Вторая группа проектов – север области, то есть ориентир на Якутию: северные электрические сети, завершение строительства дорог, которые свяжут два региона. Третье направление – это Богучанская ГЭС, энерго-металлургические объединения, снятие ограничений по взаимодействию с Красноярским краем.

М. Р.: Нам следует помнить о «Сибирском соглашении», о его метаморфозах. Там тоже было централистское мышление, и согласно некоторому мнению, именно это его и погубило. В 1994 году, когда «Сибирское соглашение» опубликовало свой первый проект программы, единственной проработанной частью там был бюджет аппарата.

Теперь касаясь поставленного Дмитрием вопроса... Значит, что-то неладно в государственном аппарате. Неладно, прежде всего, с федерализмом. В контексте отсутствия реального федерализма нужно рассматривать и саму тему развития и освоения. Многое будет зависеть от того, насколько конкретные люди, вошедшие в госкомиссию, будут, как верно заметил Алексей Козьмин, заинтересованы в результате.

Псевдофедерализм мешает развитию страны. Вопрос стоит не в тратах нефтедолларов, а в системных государственных решениях. Задача госкомиссии – в развитии регионов с точки зрения размещения проектов, а не в том, чтобы разрешать возникшие вопросы, какими бы сложными они не были. Так что через некоторое время мы опять вернемся к тому, что нефтепроводы останутся, но качество жизни не изменится. Не будет улучшения демографической ситуации. Наш регион будет восприниматься как второсортный.

А. К.: На мой взгляд, дело не в федерализме. Я его последовательный сторонник, и не соглашусь, что процветание Сибири и Дальнего Востока целиком зависит от федерализма. И приграничные города у нас не возникают по китайскому принципу, потому что у нас культура и менеджмент другие. Федерализм в Иркутске, Красноярске, Томске, Хабаровске одинаковый. Но города выглядят по-разному. Федерализм важен для регионального развития. Но основная проблема – отсутствие грамотного менеджмента.

С. Ш.: Что касается новой волны индустриализации Сибири, то если все будет хорошо, ее запустят. Если действительно федеральный центр озабочен проблемами депопуляции, западного дрейфа, тем, что в регионах, за счет которых живет вся страна, реально никто жить не хочет, – тогда эта проблема будет решаться не железными дорогами, не атомной энергетикой, а только повышением качества жизни.

А. А.: Много проблем возникает от того, что центр принятия решений отдален, что проблемы регионов будут обсуждать люди, которые не так часто выезжают в территории. Вопрос в эффективности, с которой данная госкомиссия будет решать возникающие перед ней задачи.

Д. Т.: Нагляднее всего активизация деятельности правительства по развитию восточных территорий проявляется в отдельных, узловых точках. Не секрет, что одним из таких мест является и Южное Прибайкалье.

В мае губернатор был в Москве, где проект агломерации Иркутска, Ангарска и Шелехова получил одобрение – к удивлению скептиков. Еще в январе говорили, что губернатору надо «протолкнуть» проект до марта, так как в марте начнется предвыборная гонка и центру будет не до того. Эти прогнозы не оправдались. Исходя из сказанного ранее, можно ли говорить о том, что агломерация является идеей привлечения денег под красивый проект без реализации его для будущих поколений?

А. К.: Без красивого проекта нет денег, а без денег нет реализации. Когда идея задумывалась, искали способы сделать прорывное развитие города Иркутска. Один из способов – обратить внимание на себя федерального центра, чтобы получить инвестиции.

С. Ш.: Тысячелетие Казани – великолепный пиар-проект.

А. К.: Я бы хотел отметить важную вещь. Изначально не стоял вопрос о количестве денег. Стремилась сделать проект, направленный на улучшение качества жизни, чтобы люди не уезжали из города, чтобы он соответствовал стандартам, которые предъявляет к нему молодое поколение. Проект был направлен не на улучшение каких-то абстрактных показателей, а на изменение концепции. И это, кажется, начало получаться. Федеральный центр мы заинтересовали, причем процесс, пошедший из Иркутска, охватил всю страну. Медведев на Санкт-Петербургском форуме говорил о том, что мало внимание уделяется развитию городов, а ведь за ними будущее.

Видимо, освоение Сибири может идти на базе нескольких городов, где будут сосредоточены культура, образование, инновационная экономика, торговля, управление, квалифицированные кадры. И, естественно, должны быть промышленные комплексы, работающие на освоение и переработку природных ресурсов. Но нужно помнить, что во многих отраслях мы растеряли культуру производства и кадровый потенциал. Нам надо много времени, чтобы все это восстановить. Мы не сможем, как Петр I, завезти сюда голландцев, немцев, американцев, чтобы они у нас работали. Поэтому проект агломерации как проект городского развития задает определенный тренд, и он вполне реален.

М. Р.: Мне как человеку, живущему в Иркутске, проект агломерации очень симпатичен. Именно в части развития связей между достаточно разными сообществами, разными по своему генезису, по социальной культуре, активности. Все это стимулирует как раз развитие, а не освоение. Еще один важный момент – это перенесение из топографического центра Иркутска административной нагрузки. Это вселяет надежды, что исторический центр Иркутска будет развиваться по-другому.

Но как человек, живущий еще и в Сибири, в Иркутской области, я понимаю, что надо реализовывать и другие проекты, направленные на развитие маленьких городов и поселений. Если Усолье останется за границами агломерации, хорошо это или плохо? Где будет центр агломерации: между Иркутском и Ангарском или ближе к Байкалу, к Голоустному? Эти все вещи выйдут на повестку дня. Все помнят: на первом этапе, когда еще часто использовали слово «мегаполис», отношение к этому было как к прожекту. Потом пришло понимание, что это реальный проект, который так или иначе будет осуществляться. Как следствие, интонация и тематика разговоров изменилась. Хуже всего включились в диалог иркутские власти, зато активность проявили ангарские и шелеховские. Иркутские власти не учитывают социальные последствия тех проектов, которые реализуют. В Ангарске и Шелехове эти вещи учитываются.

Сейчас агломерация обсуждается уже в контексте инвестиций: куда конкретно они будут направляться и как будет учитываться изменение качества жизни.

С. Ш.: Без свежей и красивой идеи в системе трансфертного федерализма или трансфертного колониализма, который сложился, особых шансов на развитие нет. Видимо, агломерация – лучшее, что можно было

выдумать. На моей памяти это первый год, когда Иркутск живет какой-то идеологией развития.

Единственная проблема, которая связана с агломерацией, это ее восприятие населением. Люди мыслят категориями из выборной кампании Алексея Козьмина. Мегаполисом, большим Иркутском, макдоналдсом, небоскребами – одним словом, миллионником.

Я думаю, агломерация – это хорошо разработанный проект социально-экономического развития части территории Иркутской области, точнее, целая группа проектов. Причем в разных городах – разные взгляды на агломерацию. В Шелехове выступают за экономическое развитие как просто куска территории. В Ангарске не возражают против межмуниципального образования, некоего подобия Европейского Союза, где все имеют право голоса. Я с некоторым опасением ожидаю момента, когда люди откроют для себя ту агломерацию, которая будет на самом деле. Главная задача – разъяснить населению, что будет дальше.

Д. Л.: Сама идея объединения вызывала у меня некое неприятие, но когда я почувствовал, что мы все вместе пытаемся обмануть федеральный центр, стало интересно. Буквально несколько дней назад я присутствовал на свадьбе, и там тамада провозгласила тост: «За агломерацию двух любящих сердец!» Это говорит о том, что идея шагнула в массы.

Если серьезно, то рано или поздно города, так близко расположенные, должны были объединиться. Это снимает ряд проблем, скопившихся на уровне географии, геологии. Но меня беспокоит то, что ни у Ангарска, ни у Иркутска нет, в принципе, потенциала для развития в таком ключе. Можно попытаться размещать здесь производство, но в ситуации оттока населения это не имеет смысла. Цели построения нового эффективного образования, я боюсь, мы не достигнем.

Мне кажется, агломерация – это немного ва-банк. Если проект будет реализован, если деньги придут и эффективно заработают – хорошо. А если дело ограничится тем, что выделенные средства опять уйдут в никуда – плохо.

Д. Т.: Если дать миллион долларов бизнесмену и миллион долларов человеку, живущему на маленькую зарплату, то результат использования этих денег будет разным. Иркутск попал в ситуацию человека с маленькой зарплатой. Давайте представим, что будет происходить в реальности, откуда возьмутся недостающие для миллионника более чем триста тысяч человек, учитывая существующее население Иркутска, Ангарска и Шелехова? Есть мнение, что будет происходить вымывание населения из близлежащих населенных пунктов.

С. Ш.: А разве этот процесс уже не происходит?

Д. Т.: Происходит. Но тут его еще будут стимулировать.

А. К.: Никто не будет специально стимулировать переселенцев. Мы пытаемся заниматься территориальным маркетингом. Для нас важно, откуда возьмутся люди. Сегодня из городов агломерации уезжает порядка 30 тысяч человек в год, а приезжает – 25 тысяч. Миграция составляет минус пять тысяч в год. Причем уезжают высокопрофессиональные люди, а приезжают неквалифицированные. Это – так называемый западный дрейф, о котором говорят исследователи. Наша задача – вернуть тех, кто уехал. Но главное: если мы не создадим в рамках агломерации высокие стандарты качества жизни, то люди и дальше будут уезжать. Если мы не реализуем этот проект, то получим полное вымывание и превратимся в нечто вроде Читы или Улан-Удэ. Демографические тренды – вещь суровая, чтобы их переломить, одних денег недостаточно.

Д. Л.: Хорошим резервом трудоспособного населения могут быть также Таджикистан и Чечня. Это одно из конструктивных направлений в миграционной политике. Правда, тогда в проект агломерации сразу надо закладывать штук пять мечетей. Я думаю, после реализации этого проекта Иркутск очень сильно изменится, в том числе в этническом смысле.

С. Ш.: В качестве резюме хочу сказать, что Иркутск должен решить проблему самопозиционирования в Российской Федерации через агломерацию или через другие проекты. А лет через пятнадцать надо уже подходить к разработке проекта «Иркутск в глобальном мире».

М. Р.: Индустриализация – это неизбежная вещь. Но вопрос в том, как она вписывается в наше видение перспектив. Если мы стремимся обозначить свое место в информационном обществе, в глобальном мире, тогда ставка должна делаться на развитие образования. Когда ставка делается на туризм, но не аля Байкал-сити, а именно в современном, не в сырьевом виде, тогда нужны поиски именно в этом направлении. Опорными точками для развития региона могут стать не только мегаполисы, но и такие города, как Ангарск,

Байкальск, Усть-Илимск. Ведь идеи и проекты для этих городов в контексте информационного общества весьма возможны. Мы по-прежнему ищем пути для развития в привычной системе отношений. Догоняем. В этом и проблема.

А. А.: Наш прогноз – это рост инвестиций в экономику региона, что наблюдается с 2006 года. Мы рассчитываем на накачку Иркутской области деньгами и организацию производств на территории, как старых, так и новых. Второй момент: нам необходимо всеми силами вернуть такое состояние в душах наших жителей, когда слова «иркутянин», «Иркутская область» звучали бы гордо, когда эти понятия стали бы брендом на уровне России.

А. К.: У нас есть хороший шанс по созданию глобального бренда.

Д. Т.: Таким образом, мнения и независимых экспертов, и представителей власти в столь сложном вопросе, как общий вектор развития Прибайкалья и Сибири, практически совпали. Основная задача – использовать на местах те возможности, которые на сегодняшний момент предоставляет общая экономическая ситуация в России – до тех пор, пока она благоприятна. Промедление же может обернуться для нас если не катастрофой, то очередным периодом стагнации.

Автор: Артур Скальский © Babr24.com ПРИБАЙКАЛЬЕ, БАЙКАЛ 👁 4976 06.07.2007, 13:25 📌 449
URL: <https://babr24.com/?ADE=38828> Bytes: 23523 / 23292 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["БОГУЧАНСКАЯ ГЭС"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/@nsk24_link_bot)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/@tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/@babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)